ПРОФЕССОР БУЛГАКОВ
ЧЕХОВ
КАК МЫСЛИТЕЛЬ

ИЗД. ЛИТЕР. КРУЖКА
ИМЕНИ А. ЧЕХОВА

Л. Б.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК
ИМЕНИ А.П.ЧЕХОВА

Обложка и ex-bibris работы Л. М. БРАИЛОВСКАГО.

Типографія А. Л. БУДО, Мясницкая, 20. Телеф. 188-49.

Профессоръ С. Н. БУЛГАКОВЪ.

Чеховъ, какъ мыслитель.

МОСКВА.
1910.

Отъ автора.

Уступая желанію студенческаго кружка имени А. П. Чехова, я переиздаю настоящій очеркъ о Чеховѣ, хотя форма изложенія и развитія основныхъ его мыслей, въ значительной мѣрѣ случайная и пріуроченная къ публичной лекціи, самаго меня не вполнѣ удовлетворяетъ. Однако частичными передѣлками обойтись здѣсь было бы нельзя, и потому я предпочитаю (кромѣ отдѣльныхъ фразъ) оставить текстъ въ неизмѣненномъ видѣ. Добавлено вновь лишь объ отношеніи Чехова къ русской интеллигенціи.

20 Октября 1910 года. Москва.

Чеховъ какъ мыслитель.

Публичная лекція *).

Не безъ смущенія приступаю я къ рѣчи о Чеховѣ. Мнѣ слишкомъ ясно, насколько трудно сказать о немъ что нибудь его достойное. Словомъ не передать всего очарованія его поэзіи, грустно задумчивой какъ молчаливая русская даль, сумрачной какъ осеннее русское небо, трепетной и нѣжной какъ закатъ сѣвернаго солнца, глубокой и чистой какъ насторожившаяся лѣтняя ночь. Долго лилась и звучала эта пѣсня, рожденная русской стихіей и русской природой, раздольная и унылая, пѣсня о сѣромъ небѣ и о вольной дали, о постылой долѣ и невѣдомомъ счастьѣ, пѣсня, надрывающая душу тоской и заставляющая «трепетать отъ неизъяснимыхъ предчувствій», и вдругъ... оборвалась, и всю Россію ударила по сердцу скорбная вѣсть. Едва ли мы сами вполнѣ сознавали, насколько мы любили Чехова, насколько былъ дорогъ, нуженъ, близокъ намъ почившій художникъ,—часто только смерть открываетъ глаза и заставляетъ дать полную оцѣнку того, что потеряно. И пока потеря Чехова для насъ незакрывшаяся кровоточащая рана, невольно хочется еще

*) Читана осенью 1904 года въ Ялтѣ и Петербургѣ.

и еще говорить о ней, останавливаться благодарной памятью на его художественномъ наслѣдствѣ и дѣлать новыя попытки его осмыслить. Теперь, когда творчество Чехова имѣется передъ нами во внѣшне законченномъ видѣ, и мы уже не услышимъ вновь его голоса, для него настаетъ судъ потомства, а для русскаго общества трудная и отвѣтственная задача дать возможно точную опись того, что поступаетъ въ его культурный инвентарь, въ его художественную сокровищницу.

Я держусь того мнѣнія, что духовный капиталъ, оставленный намъ Чеховымъ въ его произведеніяхъ, далеко еще не получилъ надлежащей оцѣнки. Хотя значеніе Чехова, какъ классика родного слова, никѣмъ не оспаривается, однако въ пониманіи общаго смысла его литературной дѣятельности существуетъ большая неясность и разногласія. Въ началѣ литературнаго поприща Чехову доставалось отъ современной критики за безпринципность, т. е. за то, что его литературная дѣятельность оставалась чужда всякаго интеллигентскаго «направленія» (извѣстно, что подобными упреками грѣшилъ тогда даже покойный Михайловскій), въ послѣднее время за Чеховымъ признано было «направленіе», ему выдано было свидѣтельство о литературной благонадежности, и «сія послѣдняя лесть быть горше первыя». На этомъ основаніи литературная дѣятельность Чехова въ настоящее время обычно дѣлится на два періода, изъ которыхъ первый характеризуется отсутствіемъ у него гражданскихъ добродѣтелей, а второй ихъ появленіемъ. Однако при такомъ измѣреніи Чехова аршиномъ существующихъ направленій, слишкомъ мало задаются вопросомъ о томъ, въ чемъ же состоитъ своеобразіе собственной физіономіи Чехова, внѣ этого болѣе чѣмъ сомнительнаго дѣленія на періоды. Насъ поражаетъ въ этомъ отно-

шеніи тотъ любопытный фактъ, что самъ Чеховъ никогда не ставилъ хронологическихъ датъ на своихъ произведеніяхъ, ихъ нѣтъ и въ послѣднемъ полномъ собраніи его сочиненій. Мы усматриваемъ въ этомъ во всякомъ случаѣ цѣнный намекъ и указаніе на то, какъ мало значенія придавалъ точной хронологіи своихъ произведеній самъ авторъ, очевидно, не знавшій никакого крутого поворота въ направленіи своей литературной дѣятельности. И намъ дѣйствительно она представляется единымъ цѣлымъ, проникнутымъ однимъ общимъ міровоззрѣніемъ; объ основныхъ чертахъ этого міровоззрѣнія, насколько оно отразилось въ произведеніяхъ Чехова, я и хочу повести сегодняшнюю бесѣду.

Опредѣлить эти черты представляется далеко нелегкой задачей, благодаря тому, что излюбленная форма Чеховскаго творчества есть сравнительно небольшой разсказъ, слѣдовательно, для этой цѣли нельзя ограничиться, какъ у многихъ другихъ писателей, анализомъ нѣсколькихъ основныхъ произведеній. У Чехова отсутствуетъ такое Standartwerk, потому остается одинъ путь — попробовать получить, такъ сказать, мозаическую картину, суммируя мысли и впечатлѣнія отъ большого количества произведеній сравнительно мелкихъ и внѣшне разрозненныхъ.

Итакъ, вниманіе наше останавливаетъ при этомъ какъ разъ то, что и для самого художника представляется не только самымъ важнымъ, нужнымъ и серьезнымъ въ его литературной дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ больнымъ, мучительнымъ, составляя предметъ напряженныхъ исканій, тревожныхъ и часто безотвѣтныхъ вопросовъ, обращаемыхъ имъ къ жизни и къ самому себѣ. Мы подходимъ къ Чехову со стороны общечеловѣческой, обращаемся къ нему не только какъ къ художнику, одаренному

божественнымъ, но и опаснымъ, могучимъ, но и отвѣтственнымъ даромъ искусства, а какъ къ человѣку, отвѣтственному предъ тѣмъ же великимъ и страшнымъ судомъ совѣсти, одержимому тѣми же муками, сомнѣніями и бореніями, что и мы, и лишь особымъ, ему одному свойственнымъ способомъ выражающему ихъ въ художественныхъ образахъ. Это не значитъ, конечно, чтобы мы хотѣли умалить или оставить въ тѣни ихъ чисто художественное значеніе, но останавливая вниманіе именно на томъ, что составляетъ святая святыхъ въ каждомъ человѣкѣ, будь онъ великій мастеръ или заурядный чернорабочій, на его міросозерцаніи, мы отдаемъ высшую дань благочестиваго вниманія духовному міру художника.

И тѣмъ не менѣе эта постановка вопроса, тема «Чеховъ какъ мыслитель» для многихъ, вѣроятно, звучитъ парадоксально. Въ устраненіе этой кажущейся парадоксальности я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и о задачахъ искусства вообще, насколько это необходимо въ цѣляхъ настоящаго изложенія.

Человѣческая душа нераздѣльна, и запросы мыслящаго духа остаются одни и тѣ же и у ученаго, и у философа, и у художника: и тотъ, и другой, и третій, если они дѣйствительно стоятъ на высотѣ своихъ задачъ, въ равной степени и необходимо должны быть мыслящими людьми и каждый своимъ путемъ искать отвѣтовъ на общечеловѣческіе вопросы, однажды предвѣчно поставленные и вновь постоянно ставящіеся человѣческому духу. И всѣ эти вопросы въ своей совокупности складываются въ одну всеобъемлющую загадку, въ одну вѣковѣчную думу, которую думаетъ и отдѣльный человѣкъ, и совокупное человѣчество, въ думу о себѣ самомъ, въ загадку, формулированную еще греческой мудростью: познай само-

го себя. Человѣкъ познаетъ самого себя и во внѣшнемъ мірѣ, и въ философскихъ ученіяхъ о добрѣ и злѣ и въ изученіи историческихъ судебъ человѣчества. И все-таки не перестаетъ быть самъ для себя загадкой, которую вновь и вновь ставитъ передъ собой каждый человѣкъ, каждое поколѣніе. Вслѣдствіе того, что искусство есть мышленіе, имѣющее одну и ту же великую и общечеловѣческую тему, мысль человѣка о самомъ себѣ и своей природѣ, оно и становится дѣломъ важнымъ, труднымъ, серьезнымъ и отвѣтственнымъ. Оно становится служеніемъ, требующимъ отъ своего представителя самоотверженія, непрерывныхъ жертвоприношеній, сока нервовъ и крови сердца. Великое служеніе есть и великое страданіе. Потому, между прочимъ, такъ справедливы эти слова Л. Н. Толстого.

«Дѣятельность научная и художественная въ ея настоящемъ смыслѣ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ея свойство быть таковою, и цѣнитъ человѣчество такъ высоко ея дѣятельность. Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, они въ этой работѣ будутъ видѣть только обязанности и съ трудомъ, лишеніями и самоотверженіемъ будутъ исполнять ихъ. Мыслитель и художникъ никогда не будетъ сидѣть спокойно на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать. Мыслитель и художникъ должны страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе». И намъ думается, Чеховъ былъ именно такимъ художникомъ, котораго здѣсь рисуетъ Толстой.

Говоря такимъ образомъ, мы нисколько не хотимъ умалить правъ искусства на свободу. Истинное искусство свободно въ своихъ путяхъ и исканіяхъ, оно само себѣ

довлѣетъ, само по себѣ ищетъ, само себѣ законъ. Въ этомъ смыслѣ формула *искусство для искусства* вполнѣ правильно выражаетъ его права, его самостоятельность, его свободу отъ подчиненія какимъ-либо извнѣ поставленнымъ, вѣрнѣе, навязаннымъ заданіямъ. Этому пониманію противорѣчитъ тенденціозность въ искусствѣ, при которой у послѣдняго отнимается его право самочиннаго исканія, самобытныхъ художественныхъ обобщеній и находимыхъ въ нихъ общечеловѣческихъ истинъ, при которой искусство принижается до элементарно-утилитарныхъ цѣлей популяризаціи тѣхъ или иныхъ положеній, догматически воспринятыхъ и усвоенныхъ извнѣ. Какъ бы искусно ни была выполнена подобная задача, все же это есть фальсификація искусства, его поддѣлка, ибо здѣсь отсутствуетъ самостоятельность художественнаго мышленія, тотъ своеобразный интуитивный синтезъ, который мы имѣемъ въ искусствѣ. Тенденціозное искусство художественно неискренно, оно есть художественная ложь, результатъ слабости или извращеннаго направленія таланта. Чеховъ всей своей дѣятельностью боролся за свободу искусства, принципъ, которому въ силу своеобразныхъ историческихъ условій развитія нашего отечества вообще не повезло на русской почвѣ. Не даромъ Чехову такъ доставалось въ такъ наз. первый періодъ его литературной дѣятельности за его яко бы безпринципность.

Однако на основаніи сказаннаго выше очевидно, что свободное искусство тѣмъ самымъ не становится безмысленнымъ и потому безсмысленнымъ виртуозничаньемъ, въ которое склонны были превратить его крайніе представители декадентства. Помимо того, что въ подобномъ случаѣ искусство изъ высшей дѣятельности духа низводится до какого-то празднаго развлеченія или спорта, это вовсе

и не есть истинное искусство, ибо послѣднее требуетъ всего человѣка, его душу, его мысль. Оно всегда серьезно, содержательно, оно является, въ извѣстномъ смыслѣ художественнымъ мышленіемъ. Только такое искусство получаетъ серьезное, общечеловѣческое значеніе, становится не только радостью и украшеніемъ жизни, но и ея насущной пищей. Вдохновенному взору художника открываются такія тайны жизни, которыя не подъ силу уловить точному, но неуклюжему и неповоротливому аппарату науки; озаренному свыше мыслителю-художнику иногда яснѣе открыты вѣчные вопросы, нежели школьному философу, задыхающемуся въ книжной пыли своего кабинета, поэту дано глаголомъ жечь сердца людей такъ, какъ не можетъ и никогда не смѣетъ скромный научный спеціалистъ. И, кромѣ того, художникъ говоритъ простымъ и для всѣхъ доступнымъ языкомъ, художественные образы находятъ дорогу къ каждому сердцу, между тѣмъ какъ для знакомства съ идеями философіи и науки, помимо досуга, необходима спеціальная подготовка даже только для того, чтобы ознакомиться съ спеціальной терминологіей, перепрыгнуть эту изгородь, отдѣляющую научное мышленіе отъ обыденнаго. Естественно, что чѣмъ важнѣе и шире тѣ задачи и проблемы, которыя ставитъ себѣ искусство, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ оно для людей. И примѣняя этотъ масштабъ сравнительной оцѣнки литературы соотвѣтственно важности и серьезности ея задачъ и темъ, нельзя не отвести одного изъ первыхъ мѣстъ въ міровой литературѣ нашему родному искусству. Русская художественная литература— философская par excellence. Въ лицѣ своихъ титановъ — Толстого и Достоевскаго — она высоко подняла задачи и обязанности художественнаго творчества, сдѣлавъ своей главной темой самыя глубокія и основныя проблемы че-

ловѣческой жизни и духа. Духъ этихъ исполиновъ господствуетъ въ нашей литературѣ, подобно гигантскимъ маякамъ, указывая ей путь и достойныя ея задачи, и ничто жизненное и жизнеспособное въ ней не можетъ избѣжать этого вліянія. Чеховъ является достойнымъ выразителемъ этихъ лучшихъ традицій нашей литературы, многое роднитъ его съ обоими ея корифеями и послѣ нихъ онъ является писателемъ наибольшаго философскаго значенія.

«Призваніе всего человѣчества,—говоритъ Чеховъ устами художника въ *Домикѣ съ мезониномъ*, — въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... удовлетворить его могутъ только религія, науки, искусства... Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды, смысла жизни, ищутъ Бога, душу». Въ этихъ словахъ опредѣляется и общее содержаніе творчества и самого Чехова, и оно посвящено тому, въ чемъ онъ видѣлъ задачу истинной науки и искусства: исканію правды Бога, души, смысла жизни.

«Мнѣ кажется,—говоритъ Маша въ *Трехъ Сестрахъ* (и едва-ли ея устами не говоритъ здѣсь самъ Чеховъ) человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ, или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летятъ, для чего дѣти родятся для чего звѣзды на небѣ... Или знать, для чего живешь, или все пустяки, трынъ-трава». Почти дословно повторяя Достоевскаго, Чеховъ говоритъ какъ-то, въ одномъ изъ маленькихъ и раннихъ разсказовъ (*«На пути»*) про русскую интеллигенцію. «Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. Она все равно что талантъ, съ нею надо ро-

диться. Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ видалъ на своемъ вѣку, по всему тому, что творилось вокругъ, эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени. Русская жизнь представляетъ изъ себя непрерывный рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія и отрицанія она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русскій человѣкъ не вѣритъ въ Бога, то это значитъ, что онъ вѣруетъ во что-нибудь другое».

Въ произведеніяхъ Чехова ярко отразилось это русское исканіе вѣры, тоска по высшемъ смыслѣ жизни, мятущееся безпокойство русской души и ея больная совѣсть. Большинство сравнительно крупныхъ произведеній Чехова, и многія мелкія, посвящено изображенію духовнаго міра людей, охваченныхъ поисками правды жизни и переживающихъ муки этого исканія. Я назову «Скучную исторію», «Мою жизнь», «По дѣламъ службы», «Случай изъ практики», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка», «Палату № 6», «Дуэль», «Крыжовникъ», «Иванова», «Дядя Ваню», «Три Сестры», «Вишневый садъ» и др.

Самымъ яркимъ и замѣчательнымъ произведеніемъ Чехова, въ которомъ наиболѣе отразилась указанная особенность его творчества, намъ представляется *Скучная исторія*. Я думаю, у всѣхъ въ памяти несложная, какъ всегда у Чехова, фабула этого произведенія. Герой ея—знаменитый ученый съ европейскимъ именемъ, преданный наукѣ до самозабвенія, страстно вѣрящій въ ея всемогущество и считающій ее «высшимъ проявленіемъ любви»; этотъ благороднѣйшій человѣкъ, съ трогательной скромностью и простосердечіемъ разсказывающій о своихъ слабостяхъ, уже стоя одной ногой въ могилѣ и сознавая это, дѣлаетъ, подъ вліяніемъ внѣшняго толчка, даннаго исто-

ріей любимой племянницы Кати, страшное и воистину неожиданное открытіе, совершенно сломившее ученаго спеціалиста. Вотъ это открытіе: «сколько бы я ни думалъ и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить, въ этомъ сидѣніи на чужой кровати и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы ихъ въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то значитъ нѣтъ и ничего». При такой бѣдности достаточно было серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья. Ничего же поэтому нѣтъ удивительнаго, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни я омрачилъ мыслями и чувствами, достойными раба и варвара, что я теперь равнодушенъ, и не замѣчаю расцвѣта... Я побѣжденъ»!.. Я знаю въ міровой литературѣ мало вещей болѣе потрясающихъ, нежели эта душевная драма, исторія религіознаго банкротства живой и благородной человѣческой души.

Аналогичную исторію мы имѣемъ въ *Палатѣ № 6*, гдѣ герой сходитъ съ ума, не умѣя справиться съ мучительными вопросами и утерявъ равновѣсіе душевныхъ силъ. И однако его душевная болѣзнь представляется слѣдствіемъ

душевнаго здоровья, напряженности мысли, устремленной къ вѣчнымъ загадкамъ жизни. По сравненію съ окружающими равнодушными ко всему высшему пошляками истинно душевно-здоровыми въ этой повѣсти оказываются именно сумасшедшіе.

Изъ всѣхъ философскихъ проблемъ, которыя могутъ представиться духовному взору мыслителя-художника, Чехова въ наибольшей степени занимала одна, чрезвычайно характерная для всего его творчества, сдѣлавшая его пѣвцомъ хмурыхъ людей, слабыхъ и побѣжденныхъ, тусклой и печальной стороны жизни. Наиболѣе часто и настойчиво ставится Чеховымъ этотъ вопросъ не о силѣ человѣка, а объ его безсиліи, не о подвигахъ героизма, а о могуществѣ пошлости, не о напряженіяхъ и подъемахъ человѣческаго духа, а объ его загнивающихъ низинахъ и болотинахъ. Вдумайтесь въ этотъ длинный рядъ однотонныхъ и однохарактерныхъ разсказовъ, гдѣ все сѣро, уныло, безкрасочно, въ эти драмы, гдѣ люди задыхаются и погибаютъ отъ своего безсилія и неумѣлости, и вы уловите характерный Чеховскій вопросъ, замѣтите одно болѣзненное недоумѣніе, одну сверлящую мысль, которая жжетъ мозгъ и наполняетъ мучительной отравой сердце, которая разучила весело и задушевно смѣяться и, быть можетъ, свела художника въ преждевременную могилу. Это основное Чеховское настроеніе и Чеховскій вопросъ долго не понимались, и отсюда разные журнальные кривотолки о немъ. При его литературной манерѣ, въ этихъ мелкихъ разсказахъ, которые и печатались и читались врозь, чрезъ большіе промежутки времени, на самомъ дѣлѣ нелегко было распознать Чехова во весь его дѣйствительный ростъ и разгадать его завѣтныя думы. Благодаря такому-то непониманію, то, отъ чего онъ болѣлъ, чѣмъ

онъ былъ самъ отравленъ, считали предметомъ его проповѣди, сливая автора съ его героями, и создавалось и крѣпло это тяжелое недоразумѣніе...

Итакъ, общечеловѣческій, а потому самому и философскій вопросъ, дающій главное содержаніе творчеству Чехова, есть вопросъ о нравственной слабости, безсиліи добра въ душѣ средняго человѣка, благодаря которому онъ сваливается безъ борьбы, повергаемый не большой горой, а соломинкой, благодаря которому душевная лѣнь и ѣдкая пошлость одолѣваютъ лучшіе порывы и завѣтныя мечты, благодаря которому идеальныя стремленія не поднимаютъ, а только заставляютъ безсильно страдать человѣка и создаютъ этихъ хмурыхъ, нудныхъ людей, Ивановыхъ, Трехъ Сестеръ, Тузенбаховъ, Астровыхъ, Іонычей, Лаевскихъ. Въ *Разсказѣ Неизвѣстнаго Человѣка* революціонеръ спрашиваетъ бюрократа, оказываясь съ нимъ въ одной общей скобкѣ: «Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, объяснить не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы... но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ, отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и превратились въ трусливое животное, которое лаетъ и этимъ лаемъ пугаетъ другихъ оттого, что само боится? Отчего мы утомились (продолжаетъ неизвѣстный человѣкъ)? Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30 — 35 годамъ становимся уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ, картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами

портретъ своей чистой прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно не ищемъ другого? Отчего?»

«Разбойникъ, висѣвшій на крестѣ, сумѣлъ вернуть себѣ жизненную радость и смѣлую осуществимую надежду, хотя, быть можетъ, ему оставалось жить не больше часа. У васъ впереди еще длинные годы и я, вѣроятно, умру не такъ скоро, какъ кажется. Что если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своей правдой. Мнѣ страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна какъ сводъ небесный. Будемъ жить!» И однако оба они мертвы, и мертвы задолго до наступленія естественной смерти. Послушайте Иванова:

«Еще года нѣтъ, какъ я былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, я въ будущее глядѣлъ какъ въ глаза родной матери... А теперь, о Боже мой! утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги... Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ»... И этотъ надорванный человѣкъ даетъ такіе совѣты, которые, къ слову сказать, не прочь были приписать и самому Чехову: «выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ

звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше».

Въ приведенныхъ отрывкахъ данъ лишь одинъ изъ лейтмотивовъ Чеховскаго творчества. На ряду съ этими людьми, обезсилевшими и потерявшими своего бога, Чеховъ даетъ галлерею «сѣрыхъ» людей, которые пошлы, даже злы по какому-то недоразумѣнію, какъ-то зря, у которыхъ въ душѣ нѣтъ отчетливаго сознанія добра и зла, одно не боролось съ другимъ и одно не побѣждало другого. Но и они томятся, самоотравляются собственнымъ ничтожествомъ, всѣ эти «Жабы», «Отцы», дѣйствующія лица «Въ усадьбѣ» и т. д., и т. д. Чеховъ въ полномъ объемѣ художественно поставилъ проблему посредственности, умственной и нравственной ограниченности, духовнаго мѣщанства, которое обезвкушиваетъ жизнь и себѣ и другимъ, дѣлаетъ ее скучной и постылой. Поэтому о Чеховѣ нельзя пользоваться установившимся словоупотребленіемъ и говорить о Чеховскихъ «герояхъ», ибо полное отсутствіе героическаго въ его персонажахъ и является ихъ основной и характернѣйшей чертой. Тонъ жизни даетъ посредственность, умственное и нравственное ничтожество. «Во всемъ уѣздѣ только два порядочныхъ человѣка ты да я,—говоритъ докторъ Астровъ дядѣ Ванѣ.—Но въ какіе-нибудь десять лѣтъ жизнь обывательская, жизнь презрѣнная затянула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками какъ «всѣ». «Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ,—въ отчаяніи жалуется Андрей въ «Трехъ Сестрахъ»,—въ немъ 100.000 жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который

возбуждалъ бы зависть или страстное желаніе подражать ему. Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ и, чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и... неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери»... «Зачѣмъ эта ваша жизнь, — говоритъ отцу герой «*Моей жизни*»,—которую вы считаете обязательною и для насъ,—зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна, зачѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, нѣтъ людей, у которыхъ я могъ поучиться какъ жить, чтобы не быть виноватымъ? Во всемъ городѣ ни одного честнаго человѣка! Эти ваши дома—проклятыя гнѣзда, въ которыхъ сживаютъ со свѣта матерей, дочерей мучаютъ дѣтей... Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ, и за все время онъ не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка, ни одного! Вы душили въ зародышѣ все мало-мальски живое и яркое! Городъ лавочниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, ненужный, безполезный городъ, о которомъ не пожалѣла бы ни одна душа, если бы онъ провалился сквозь землю!» Съ ужасомъ и унынiемъ Чеховъ постоянно вновь и вновь возвращается къ этому скотскому равнодушію средняго обывателя, къ его безсмысленной злобности, тупому эгоизму, къ все обволакивающей пошлости. Вспомните страшную картину, какъ глохнетъ постепенно сѣмя добра въ «Іонычѣ», превращающемся на глазахъ въ отвратительнаго скрягу, безъ искры поэзіи въ душѣ, вспомните изъ болѣе позднихъ разсказовъ «Крыжовникъ», этотъ небольшой, но удивительно сильный трактатъ о психологіи мѣ-

щанства, наиболѣе обобщающаго характера. «Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьѣ,—читаемъ мы здѣсь,—всегда примѣшивалось что-то грустное, теперь же, при видѣ счастливаго человѣка, мною овладѣло чувство, близкое къ отчаянію. Я сообразилъ: какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благополучно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ, но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливые чувствуютъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ».

Сумрачный міръ, изображаемый Чеховымъ, освѣщается имъ ровнымъ и ласковымъ свѣтомъ. Онъ не сгущаетъ краски какъ сатирикъ, ищущій матеріала для обличенія, или юмористъ, ищущій надъ чѣмъ бы посмѣяться (послѣдняя черта замѣтна только въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ), идеалъ художественной простоты и реализма, кажется, вполнѣ достигнутъ Чеховымъ. Художественную

манеру Чехова можно уподобить скорѣй всего пріемамъ вдумчиваго экспериментатора, который дѣлаетъ одинъ за другимъ различные опыты въ цѣляхъ полнѣйшаго выясненія занимающаго его феномена, но является при этомъ не равнодушнымъ и холоднымъ регистраторомъ жизни, а мыслителемъ, сердце котораго болитъ и любитъ, и истекаетъ кровью отъ состраданія. Просто поразительна мягкость и снисходительность, съ которой Чеховъ относится къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Онъ почти не знаетъ словъ осужденія: «надо быть милосернымъ», эти слова Сони изъ «Дяди Вани», вполнѣ являются его девизомъ. Чеховъ говоритъ про студента Васильева, героя «Припадка»: «есть таланты писательскіе, сценическіе, художническіе, у него же особый талантъ—*человѣческій*. Онъ обладаетъ тонкимъ великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще». Эта характеристика должна быть отнесена къ самому Чехову, человѣческій талантъ котораго не меньше его художественнаго. Наша литература выставила рядъ великихъ гуманистовъ, мы имѣемъ Достоевскаго, Толстого, Гаршина, Гл. Успенскаго, и къ ихъ почетному лику достойно причтется имя Чехова. Нѣкоторыя задушевныя страницы Чехова, какъ музыка, говорятъ прямо сердцу, и тогда онъ невольно напоминаетъ сроднаго ему великаго музыкальнаго лирика, которому былъ посвященъ одинъ изъ его первыхъ сборниковъ,— Чайковскаго.

Итакъ, то, что первоначально производило впечатлѣніе какого-то калейдоскопа, случайныхъ фотографическихъ снимковъ, пессимистическаго брюзжанія, съ теченіемъ времени выяснилось во всей своей значительности, во всей огромности своего содержанія. Въ этихъ мелкихъ и крупныхъ, веселыхъ и грустныхъ повѣствованіяхъ слышится одинъ и тотъ же тревожный мучительный вопросъ, на-

легла одна тяжелая дума сказалась великая общечеловѣческая скорбь. И предметъ этой общечеловѣческой скорби такъ огроменъ, что заслоняетъ собой даже ея сумрачнаго пѣвца. Отчего такъ велика сила обыденщины, сила пошлости? Отчего человѣка такъ легко одолѣваетъ мертвящая повседневность, будни духа, такъ что ничтожные бугорки и неровности жизни заслоняютъ намъ вольную даль идеала, и отяжелѣвшія крылья безсильно опускаются въ отвѣтъ на призывъ: горе имѣемъ сердца?

Отчего, по слову поэта.

Къ добру и злу постыдно равнодушны.
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы?

Отчего?

Насколько мы находимъ у Чехова—не отвѣтъ на этотъ безотвѣтный вопросъ, — а данныя для такового отвѣта, причину паденій и безсилія человѣческой личности далеко не всегда можно искать въ неодолимости тѣхъ внѣшнихъ силъ, съ которыми приходиться бороться—быть разбитымъ и даже исковерканнымъ неодолимой силой послѣ борьбы съ ней прекрасно и достойно героя, но увы! ее приходится видѣть во внутренней слабости человѣческой личности, въ слабости или безсиліи голоса добра въ человѣческой душѣ, какъ бы въ ея прирожденной слѣпотѣ и духовной поврежденности. На такія мысли наводитъ насъ Чеховъ.

Для правильнаго пониманія значенія творчества Чехова весьма важно имѣть еще въ виду, что его образы имѣютъ не только мѣстное и національное, но и общечеловѣческое значеніе, они вовсе не связаны съ условіями даннаго времени и среды, такъ что ихъ нельзя цѣликомъ

свести и, такъ сказать, погасить общественными условіями даннаго момента. Конечно, какъ и всякіе истинно художественные образы, образы Чехова конкретны и потому отражаютъ на себѣ особенности данной исторической обстановки именно русской жизни конца 80-хъ годовъ. Однако, по нашему мнѣнію, было бы грубой ошибкой ограничивать значеніе образовъ Чехова только русской жизнью, видѣть въ нихъ лишь обличеніе этой послѣдней. Ни Три Сестры, ни Ивановъ, ни Лаевскій, ни старый профессоръ, ни дѣйствующія лица «Разсказа неизвѣстнаго человѣка», или «Крыжовника», ни дядя Ваня съ Соней не поставлены самимъ Чеховымъ въ такую исключительную связь именно съ русскими условіями, и, если бы Англія, Германія или Швейцарія имѣла своего Чехова, то, конечно, недостатка въ матеріалѣ для Чеховскаго творчества не было бы и тамъ. Косвенное подтвержденіе этому можно видѣть въ Мопассанѣ, изъ новѣйшихъ европейскихъ писателей въ наибольшей степени приближающемся къ Чехову. Поэтому считать Чехова бытописателемъ русской жизни и только всего—это значитъ не понимать въ немъ самого важнаго, не понимать мірового значенія его идей, его художественнаго мышленія. Чеховское настроеніе психологически, можетъ быть, и связанное съ сумерками 80-хъ годовъ въ Россіи, философски имѣетъ болѣе общее значеніе. Чеховымъ ставится подъ вопросъ и подвергается тяжелому сомнѣнію, такъ сказать, доброкачественность средней человѣческой души, ея способность выпрямиться во весь свой потенціальный ростъ, раскрыть и обнаружить свою идеальную природу, слѣдовательно, ставиться коренная и великая проблема метафизическаго и религіознаго сознанія,—загадка о человѣкѣ. Настроеніе Чехова должно быть поэтому опредѣлено какъ *міровая скорбь* въ полномъ

смыслѣ этого слова, и на ряду съ Байрономъ и другими Чеховъ является поэтомъ міровой скорби.

Это опять звучитъ парадоксально: Чеховъ и Байронъ! Что общаго между авторомъ *Іоныча*, считающаго рубли по возвращеніи съ практики, и пѣвцомъ Манфреда и Каина, бросающихъ гордые вызовы къ небу? И однако между ними есть сходство, основывающееся на общечеловѣческомъ и, можно сказать, надъисторическомъ, міровомъ характерѣ скорби и того и другого, однако не маловажно и различіе между ними. Байронъ протестуетъ противъ ограниченности человѣческой личности, противъ могущества мірового зла во имя свободной и богоборческой человѣческой личности, сознавшей свои силы и не хотящей признать надъ собой высшей власти, стремящейся перерасти себя отъ человѣка къ сверхчеловѣку. Подлинные герои у Байрона уже не люди, взятые при обычной реальной обстановкѣ, а Каинъ и Манфредъ, или же духи— Люциферъ въ *Каинѣ*, ангелы въ мистеріи *Земля и небо*. Я чувствую въ себѣ стремленіе къ безконечному, безконеченъ in potentia, но не безконеченъ in actu, моя сила не знаетъ надъ собой равной и вызываетъ на борьбу самого Бога, но однако я не только не всемогущъ, но подчиненъ болѣзнямъ, старости и смерти, я стремлюсь къ абсолютному, полному знанію, хочу обнять въ мысли и землю, и небо, и преисподнюю, и я не знаю ни начала міра, ни его конца, ни прошлаго, ни настоящаго, ни будущаго.

Такимъ образомъ, личность, сознающая себя формально абсолютной, съ безмѣрными и ненасытными желаніями, наталкивается на невозможность эту потенціальность своими силами перевести въ актуальность, обжигается объ это противорѣчіе, которое существуетъ между безпредѣльными стремленіями человѣка и фактическими условіями

его теперяшняго существованія. Люциферъ, показавъ Каину новые міры, отпускаетъ его домой съ такимъ саркастическимъ напутствіемъ:

А я теперь хочу
Перенести въ твой міръ тебя, гдѣ долженъ
Ты будешь родъ Адамовъ умножать,
Ѣсть, пить, терпѣть, работать, трепетать,
Смѣяться, плакать, спать—и умереть.

Человѣкобогъ, хотя и съ притязаніемъ стать богомъ, оказывается безсиленъ, чтобы уничтожить существующее въ мірѣ зло и осуществить свои порывы, и—надрывается. Состояніемъ такого героическаго надрыва и опредѣляется душевный міръ героевъ Байрона, — Манфреда, удалившагося отъ міра на высокія горы, Каина, который роковымъ образомъ приходитъ къ братоубійству, Чайльдъ-Гарольда, навсегда бросающаго свою родину. Въ міровомъ мятежѣ Байрона еще слышатся родившіе его громы великой французской революціи, въ немъ отразился порывъ вздымающейся волны исторіи, пламенная тревога времени: человѣкъ вдругъ освободился отъ оковъ политической тираніи, но свободенъ ли онъ отъ иной, такъ сказать, міровой тираніи, можетъ ли онъ перерасти въ сверхчеловѣка, стать человѣкобогомъ? Байронизмъ представляетъ собою переходный моментъ, необходимый въ историческомъ созрѣваніи человѣческаго духа, но эта попытка подняться сверхъ себя необходимо должна была привести къ отчаянію, разочарованію, надорвавшейся гордости, которую и воплащаетъ собой любимое созданіе Байрона—Люциферъ.

Какъ и у Байрона, основнымъ мотивомъ творчества Чехова является скорбь о безсиліи человѣка воплотить въ своей жизни смутно или ясно сознаваемый идеалъ; разладъ между должнымъ и существующимъ, идеаломъ и

дѣйствительностью, отравляющій живую человѣческую душу, болѣе всего заставлялъ болѣть и нашего писателя. Но если у Байрона мотивомъ разочарованія является, такъ сказать, объективная невозможность осуществить сверхчеловѣческія притязанія, стать человѣкобогомъ не въ желаніи только, а и въ дѣйствительности, если здѣсь человѣкъ почувствовалъ внѣшнія границы, дальше которыхъ не можетъ идти его самоутвержденіе, то Чеховъ скорбитъ, напротивъ, о безкрылости человѣка, объ его неспособности подняться даже на ту высоту, которая ему вполнѣ доступна, о слабости горѣнія его сердца къ добру, которое безсильно сжечь насѣдающую пѣну и мусоръ обыденщины. Байронъ скорбитъ о невозможности полета въ безграничную даль, Чеховъ о неспособности подняться надъ землею. Различіе въ настроеніи, имѣющемъ однако, какъ видите, одну общую тему — ограниченность человѣка, ведетъ и къ нѣкоторымъ второстепеннымъ, но не безынтереснымъ различіямъ. Байронъ по характеру своего основного мотива изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ верхи человѣчества, тѣхъ кого онъ считаетъ героями и кого надѣляетъ высшими атрибутами человѣческой личности. Онъ въ этомъ смыслѣ аристократиченъ; не взирая на то, что и въ поэзіи, и въ жизни Байронъ былъ пламеннымъ пѣвцомъ и поборникомъ свободы, онъ и его герои съ презрѣніемъ, сверху внизъ, смотрятъ на людское стадо. Поэтому духъ Байрона, гнѣвный и суровый, не знаетъ снисходительности и прощенія. Противоположное у Чехова. Мы уже знаемъ, что въ его произведеніяхъ нѣтъ героевъ, а есть заурядные люди, жалкіе, смѣшные, несчастные именно своей заурядностью. Байронъ, пѣвецъ Лары, Корсара, Чайльдъ-Гарольда, Каина и во всѣхъ ихъ самого себя, конечно, не удостоилъ бы своимъ вниманіемъ этихъ

муравьевъ, копающихся въ своемъ муравейникѣ. Чтобы оказать его, до нихъ нужно заранѣе снизойти, полюбить и пожалѣть ихъ, проникнуться ихъ міромъ и почувствовать ихъ томленіе. Это исключительное вниманіе, оказываемое Чеховымъ нищимъ духомъ, духовнымъ калѣкамъ, слѣпорожденнымъ, паралитикамъ и разслабленнымъ, неудачникамъ и побѣжденнымъ въ жизненной борьбѣ, дѣлаетъ его по чувствамъ и идеямъ писателемъ глубоко демократичнымъ въ этическомъ смыслѣ этого слова. Чехову близка была краеугольная идея христіанской морали, являющаяся истиннымъ эстическимъ фундаментомъ всяческаго демократизма, что всякая живая душа, всякое человѣческое существованіе представляетъ самостоятельную, незамѣнимую, абсолютную цѣнность, которая не можетъ и не должна быть разсматриваема исключительно какъ средство, но которая имѣетъ право на милостыню человѣческаго вниманія.

Такимъ образомъ Чеховъ и Байронъ, оба пѣвцы міровой скорби, скорби о человѣкѣ, оказываются въ художественномъ и философскомъ трактованіи человѣка антиподами: одного занимали исключительно судьбы сверхчеловѣка, высшихъ экземпляровъ человѣческой природы, другого—духовный міръ посредственности, неспособный даже стать вполнѣ человѣкомъ. Еще большую противоположность можно было бы провести между Чеховымъ и Ницше, которые относятся между собою примѣрно какъ огонь и вода или жаръ и ледъ, взаимно исключая другъ друга. Однако, какъ ни завлекательна эта параллель, но на подробностяхъ ея я не буду здѣсь останавливаться. Во всякомъ случаѣ ясно, какъ мало отзвука могла найти въ душѣ Чехова мысль о «гордомъ и трагически-прекрасномъ» человѣкѣ, вообще культъ натуральнаго, дѣйствительнаго

человѣка, которымъ незамѣтно подмѣнивается первоначально все-таки идеальный *сверхчеловѣкъ*. Вся художественная дѣятельность Чехова является краснорѣчивымъ и достаточнымъ отвѣтомъ на эту проповѣдь самодовольства, самовлюбленности, говоря прямо, филистерства.

«Въ гордомъ человѣкѣ въ вашемъ смыслѣ (говоритъ Трофимовъ въ *Вишневомъ Садѣ*) есть что-то мистическое. Быть можетъ, вы и правы по своему, но если, разсуждать по просту, безъ затѣй, то какая тамъ гордость, есть ли въ ней смыслъ, если человѣкъ физіологически устроенъ неважно, если въ своемъ громадномъ большинствѣ онъ грубъ, неуменъ, глубоко несчастливъ. Надо перестать восхищаться собой». Человѣкъ, по Чехову, совсѣмъ не годится для роли божества, которую ему навязываютъ. Пока онъ живетъ не на Олимпѣ, а «въ оврагѣ», застланномъ туманомъ и вредными испареніями. Правда, и въ оврагѣ сквозь туманъ видятся иногда далекія сверкающія звѣзды, и тамъ порой слышится вечерній благовѣстъ, заставляющій дрожать затаенныя струны даже очерствѣвшихъ и окаменѣвшихъ сердецъ, но, чтобы увидать звѣзды, надо упорно смотрѣть вверхъ, а чтобы нездѣшніе звуки прорвались до сердца, растопили его ледъ и зажгли его святымъ восторгомъ, нужно ждать, прислушиваться, «нужно перестать восхищаться собой». Человѣка облагораживаетъ, дѣлаетъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова не это странное обожаніе натуральнаго, зоологическаго сверхчеловѣка, «бѣлокурой бестіи» Ницше, но вѣра въ дѣйствительно сверхчеловѣческую и всемогущую силу Добра, способную переродить поврежденнаго и поддержать слабаго человѣка. Только вѣря въ нее, можемъ мы вѣрить въ себя и въ своихъ братьевъ—человѣчество. Таковъ выводъ, который, думается намъ, неоспоримо вытекаетъ изъ

всего творчества Чехова. Загадка о человѣкѣ въ Чеховской постановкѣ можетъ получить или религіозное разрѣшеніе или... никакого. Въ первомъ случаѣ онъ прямо приводитъ къ самому центральному догмату христіанской религіи, ученію о Голгоѳѣ и искупленіи, во второмъ къ самому ужасающему и безнадежному пессимизму, оставляющему далеко позади разочарованіе Байрона.

Мы дошли въ характеристикѣ міровоззрѣнія Чехова до самаго рѣшительнаго пункта. Какой выходъ изъ неизбѣжной альтернативы избралъ самъ Чеховъ? Вѣрилъ ли онъ въ эту сверхчеловѣческую, все превозмогающую силу Добра которая имѣетъ одержать окончательную побѣду и въ отдѣльной человѣческой душѣ, и въ совокупномъ человѣчествѣ, или же онъ былъ пессимистомъ во всемъ огромномъ и ужасномъ смыслѣ этого слова? Послѣднее опасеніе невольно рождается у читателя, предъ которымъ проходятъ всѣ эти хмурые, нудные люди, чудаки, отвратительные пошляки, гнусные эгоисты, претенціозныя бездарности. Гоголевская боль о человѣкѣ вмѣстѣ съ его юморомъ является удѣломъ Чехова. Выходетъ ли авторъ побѣдителемъ изъ этой борьбы съ собственными образами и мыслями или онъ задохнется въ этомъ отравленномъ мірѣ вызванныхъ имъ же самимъ образовъ и тѣней?

Къ счастью, увѣренно можно сказать, что окончательный исходъ борьбы оказался скорѣе благопріятнымъ, чѣмъ неблагопріятнымъ, и Чеховъ вовсе не является тѣмъ пессимистомъ, какого мы опасались найти въ немъ. Попытаемся отдать себѣ отчетъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, каковы тѣ положительные примиряющіе мотивы, которые не позволяютъ признать его пессимистомъ.

Вообще говоря, вся литературная дѣятельность Чехова

проникнута весьма своеобразнымъ и трудно поддающимся опредѣленію на языкѣ школьной философіи идеализмомъ, и надъ всею нею господствуетъ одна общая идея, тотъ богъ, котораго не нашелъ въ себѣ въ критическую минуту старый профессоръ изъ «Скучной исторіи» и котораго долго не умѣли распознать у Чехова его критики. Этотъ идеалъ и является тѣмъ свѣтомъ, при которомъ только и можно разсмотрѣть очертанія и краски, опознать хорошее и дурное, различать верхъ и низъ, правую и лѣвую сторону. Только по силѣ его возможна оцѣнка жизни и осужденіе существующаго во имя должнаго, которое—часто молчаливо—совершается въ каждомъ разсказѣ Чехова. Міровая скорбь вообще предполагаетъ въ качествѣ само собой подразумѣвающейся предпосылки, необходимаго фундамента, такой, такъ сказать, пассивный идеализмъ, признаніе идеала по крайней мѣрѣ въ качествѣ *нормы* при оцѣнкѣ дѣйствительности. Настоящій и послѣдовательный пессимизмъ не осуждаетъ и не критикуетъ, это безсмысленно, разъ все такъ непоправимо худо, — онъ убиваетъ всякую жизнедѣятельность, такъ что единственно послѣдовательный изъ него выводъ чисто буддійскій квіэтизмъ, справедливо и реставрированный пессимистомъ Шопенгауеромъ. Наоборотъ, настроеніе Чехова, все крѣпнувшее въ немъ, въ высшей степени жизнедѣятельно. Онъ умѣлъ любить жизнь, считать ее дѣломъ серьезнымъ и важнымъ, требующимъ подвига и неусыпнаго труда. Нужно работать, только нужно работать, въ одинъ голосъ повторяютъ самые разнообразные его персонажи. «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, добры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то

болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро!» Если ужъ нуженъ латинскій терминъ для опредѣленія міровоззрѣнія Чехова, то всего правильнѣе назвать его оптимопессимизмомъ, видящимъ торжество зла, призывающимъ къ мужественной и активной борьбѣ съ нимъ, но твердо вѣрящимъ въ грядущую побѣду добра. У Чехова была, безспорно, такая вѣра. Правда, это не была побѣдная вѣра, которая видитъ въ едва зарождающихся росткахъ грядущій расцвѣтъ и торжествующе привѣтствуетъ его, это вѣра тоскующая, рвущаяся и неспокойная, но однако по своему крѣпкая и незыблемая. Мы не имѣемъ въ Чеховскихъ произведеніяхъ прямого и положительнаго художественнаго обоснованія этой вѣры, солнце правды только косыми лучами и отраженнымъ свѣтомъ освѣщаетъ Чеховскій оврагъ, но внѣ этой вѣры невозможна и непонятна была бы вся дѣятельность Чехова, безъ нея погасъ бы источникъ свѣта, освѣщающій всѣхъ гадовъ и нетопырей, копошащихся на днѣ оврага. Говорятъ, что въ морскихъ глубинахъ живутъ растенія, никогда не видящія солнца, и однако, какъ и все живое, они живутъ только солнцемъ, безъ него они не могли бы и появиться на свѣтъ и просуществовать одного дня, хотя какъ легко и какъ, казалось бы, убѣдительно они могли бы отрицать существованіе солнца. Такими подводными растеніями являются и многочисленные персонажи Чехова. Онъ даетъ только чувствовать солнце и лишь изрѣдка стыдливо и какъ бы невзначай, обычно отъ третьяго лица, Чеховъ прямо говоритъ о немъ—только въ видѣ исключенія, золотой лучъ несмѣло блеснетъ и тотчасъ же погаснетъ на днѣ оврага. «Робкимъ и испуганнымъ душамъ» Липы и ея матери, а, можетъ быть, и стыдливо сливающейся съ ними душѣ автора, ночью вдругъ показалось, что «кто-то смотритъ

съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна,—продолжаетъ авторъ, какъ будто ужъ прямо отъ себя,—и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдою, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью». Въ разсказѣ «Студентъ», этомъ драгоцѣннѣйшемъ перлѣ Чеховскаго творчества, гдѣ на трехъ страницахъ вмѣщено огромное содержаніе, мы читаемъ о возвращавшемся домой студентѣ: «и радость вдругъ заволновалась въ его душѣ, и онъ даже остановился на минуту, чтобы перевести духъ. Прошлое, — думалъ онъ, — связано съ настоящимъ непрерывною цѣпью событій, вытекавшихъ одно изъ другого. И ему казалось, что онъ только что видѣлъ оба конца этой цѣпи: дотронулся до одного конца, какъ дрогнулъ другой. А когда онъ переправлялся на паромѣ черезъ рѣку и потомъ, поднимаясь на гору, глядѣлъ на свою родную деревню и на западъ, гдѣ узкой полосой свѣтилась холодная заря, то думалъ о томъ, что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни и вообще на землѣ; и чувство молодости, здоровья, силы — ему было только 22 года—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья овладѣвало имъ мало-по-малу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла». Трудно опредѣлить здѣсь, гдѣ кончается студентъ и начинается самъ авторъ. Вообще изъ сопоставленія разсѣянныхъ и всегда скупыхъ замѣчаній автора по этимъ интимнымъ вопросамъ выносится вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что въ нихъ

стыдливо и быть можетъ, нѣсколько нерѣшительно отражается крѣпнущая религіозная вѣра, христіанскаго оттѣнка; сказать что-нибудь опредѣленнѣе насъ не уполномочиваютъ имѣющіяся данныя. Но внѣ этого предположенія весь Чеховъ становится загадкой, а нѣкоторыя его вещи (какъ, напр., тотъ же «Студентъ», представляли бы психологическій и логическій non-sens. Весьма знаменательными въ этомъ смыслѣ намъ представляются заключительные мистическіе аккорды *Дяди Вани* и *Трехъ Сестеръ*. Трудно видѣть въ нихъ только надрывъ или бредъ раздавленныхъ жизнью молодыхъ существъ, какъ склонны думать многіе, напротивъ, уже самое повтореніе однихъ и тѣхъ же мотивовъ въ двухъ пьесахъ, раздѣленныхъ значительнымъ промежуткомъ времени, заставляетъ видѣть въ нихъ хотя и неясный намекъ на затаенныя мысли и чаянія и самого автора.

Въ связи съ этой стороной міровоззрѣнія Чехова находится и необыкновенная чуткость его къ поэзіи религіознаго чувства и вообще глубокое и тонкое пониманіе религіозной психологіи, въ особенности же простолюдиновъ. Въ этой области Чеховъ оставляетъ позади себя даже Толстого, приближаясь къ Достоевскому, не имѣющему здѣсь себѣ равныхъ. Вспомните только изображеніе—и всего двумя-тремя штрихами—душевнаго состоянія двухъ тупыхъ бабъ, которымъ студентъ (въ цитированной повѣсти) разсказываетъ о троекратномъ отреченіи Петра, и затѣмъ, бурю религіознаго восторга въ немъ самомъ, вспомните полный плѣнительной поэзіи пасхальной ночи разсказъ *Святою Ночью*, затѣмъ описаніе крестнаго хода и вообще религіознаго быта въ *Мужикахъ*, наконецъ, потрясающую ночную сцену *Въ Оврагѣ*, когда Липа идетъ съ мертвымъ ребенкомъ и встрѣчаетъ въ полѣ проѣз-

жихъ мужиковъ. Чѣмъ-то неземнымъ вѣетъ отъ этой сцены, и, читая ее, перестаешь различать, музыка это или обыкновенное человѣческое слово.

— Вы святые?—спросила Липа у старика.

— Нѣтъ. Мы изъ Фирсанова.

— Ты давеча посмотрѣлъ на меня, а сердце мое помягчѣло. Я и подумала, это, должно, святые.

Гдѣ и когда подслушалъ у народнаго сердца этотъ діалогъ Чеховъ! Какъ много говоритъ этотъ короткій и дѣтскій вопросъ, выражающій всю несокрушимую, хотя и наивную вѣру народной души въ существующую и осуществленную святость, но, пожалуй, еще лучше, еще выразительнѣе отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отвѣчающій отнесся къ вопросу съ такой же прямодушной вѣрой и съ такимъ же простодушіемъ, какъ онъ былъ и заданъ, въ немъ заключается только фактическая поправка, что это не святые, а мужики изъ Фирсанова.

Религіозная вѣра въ сверхчеловѣческое Добро даетъ опору для вѣры и въ добро человѣческое, для вѣры въ человѣка. И, несмотря на всю силу своей міровой скорби, скорби о человѣческой слабости. Чеховъ никогда не терялъ этой вѣры, и за послѣднее время она все жарче и жарче разгоралась въ немъ. Правда, по свойству таланта и всего душевнаго склада Чехова, взоръ его всегда оставался устремленъ больше на отрицательныя стороны жизни, чѣмъ на положительныя, больше на ея плевелы, чѣмъ на пшеницу. Потому, когда онъ заговаривалъ на иной ладъ, это казалось необычнымъ и встрѣчалось даже недовѣрчиво, свѣтлыя надежды не вполнѣ вязались съ скорбнымъ характеромъ его творчества и казались висящими въ воздухѣ. Рѣчь его звучала какъ будто неувѣренно и черезчуръ отвлеченно, оставалась неодѣтою въ краски ху-

дожественныхъ образовъ. Однако это и не было настоящимъ дѣломъ художника Чехова, выходило, такъ сказать, за предѣлы его художественной спеціальности, но, однако, должно быть оцѣниваемо полновѣсной монетой, какъ матеріалъ для пониманія его духовнаго облика. Къ одному Чеховъ относился дѣйствительно съ непримиримой и нескрываемой враждой,—къ упрощеннымъ геометрическимъ формуламъ, въ которыя прямолинейные люди пытаются уложить и жизнь и будущее, но за которыми скрывается нерѣдко лишь незрѣлость мысли. Почти каррикатурный образъ прямолинейнаго доктринера Чеховъ далъ въ лицѣ ученаго зоолога фонъ-Корена (въ *Дуэли*), который, по волѣ автора, уступаетъ въ пониманіи жизни немудрящему сельскому дьякону. Вспомните заключительный аккордъ *Дуэли*.

«Да, никто не знаетъ настоящей правды»... думалъ Лаевскій, съ тоскою глядя на безпокойное темное море.

«Лодку бросаетъ назадъ, —думалъ онъ:—дѣлаетъ она два шага впередъ и шагъ назадъ, но гребцы упрямы, машутъ неутомимо веслами и не боятся высокихъ волнъ. Лодка идетъ все впередъ и впередъ, вотъ уже ея и не видно, а пройдетъ съ полчаса и гребцы ясно увидятъ пароходные огни, а черезъ часъ будутъ уже и у пароходнаго трапа... Такъ и въ жизни... Въ поискахъ за правдой люди дѣлаютъ два шага впередъ, шагъ назадъ. Страданія ошибки и скука жизни бросаютъ ихъ назадъ, но жажда правды и упрямая воля гонятъ впередъ и впередъ... И кто знаетъ? Быть можетъ, доплывутъ до настоящей правды»...

Герои позднѣйшихъ произведеній Чехова говорятъ смѣлѣе и увѣреннѣй на тѣ же темы; вспомните разговоры въ *Дядѣ Ванѣ*, *Трехъ Сестрахъ*, *Вишневомъ Садѣ*. «Человѣчество идетъ впередъ, совершенствуя свои силы,—гово-

ритъ студентъ Трофимовъ въ послѣдней пьесѣ. Все, что недосягаемо для него теперь, когда-нибудь станетъ близкимъ, понятнымъ, только вотъ надо работать, помогать всѣми силами тѣмъ, кто ищетъ истину». «Человѣку нужно,—говорится въ *Крыжовникѣ*,—не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа».

Можетъ возникнуть вопросъ, не впадаетъ-ли Чеховъ, говоря такимъ образомъ, въ глубокое противорѣчіе съ основой своей художественной идеей и окрашиваемымъ ею настроеніемъ, которое мы опредѣлили какъ міровую скорбь, скорбь о несовершенствѣ и какъ бы коренной поврежденности средней человѣческой души. На нашъ взглядъ въ дѣйствительности противорѣчія тутъ нѣтъ. Прогрессъ историческаго человѣчества подразумѣваетъ повышеніе общаго уровня культуры, успѣховъ научнаго знанія и философскаго мышленія. Однако, для каждаго историческаго момента достигнутый уровень культуры есть готовый результатъ историческаго развитія, и для даннаго поколѣнія онъ долженъ служить отправнымъ пунктомъ лишь для дальнѣйшаго развитія. Кромѣ того, этотъ результатъ тысячелѣтняго развитія человѣчества самъ по себѣ представляетъ нѣчто безличное, что отверждается, кристаллизуется въ бытѣ, въ окружающей обстановкѣ, въ научной библіотекѣ, въ художественной галлереѣ. Отдѣльныя личности могутъ стоять значительно ниже этого уровня, относясь къ нему пассивно и индифферентно, могутъ оказываться ниже своего времени, и для того, чтобы подняться до верхней точки уже достигнутаго прогресса, кромѣ всего прочаго, нужно актуальное движеніе души, нужно напряженіе энергіи и воли. Однимъ словомъ, для этого нужно то, чего

не хватаетъ Чеховскимъ персонажамъ, духовнаго полета, воодушевленія добромъ, паѳоса жизни. Это воодушевленіе каждый можетъ осуществить только для себя, оно должно быть дѣломъ индивидуальной духовной энергіи, и безличный историческій прогрессъ, постоянно перемѣщая впередъ общую арену историческаго дѣйствія, не можетъ автоматически выполнить того, что навсегда останется только дѣломъ личности, нравственнымъ ея подвигомъ. Поэтому духовное мѣщанство и дряблость могутъ встрѣтиться при разныхъ культурныхъ условіяхъ. Отсюда понятно, какимъ образомъ въ Чеховѣ уживаются въ полномъ согласіи обѣ точки зрѣнія, и міровая скорбь переплетается съ вѣрой въ историческій прогрессъ человѣчества. Въ *Трехъ Сестрахъ* Чеховъ какъ бы распредѣляетъ обѣ точки зрѣнія двумъ различнымъ дѣйствующимъ лицамъ, въ знаменательномъ разговорѣ о прогрессѣ Вершинина и Тузенбаха. Въ то время какъ первому грезится жизнь человѣчества черезъ двѣсти-триста лѣтъ счастливой и прекрасной, баронъ Тузенбахъ возражаетъ: «Не то что черезъ двѣсти или триста, но и черезъ милліонъ лѣтъ жизнь останется такою же какъ и была; она не мѣняется, остается постоянной, слѣдуя своимъ собственнымъ законамъ... Послѣ насъ будутъ летать на воздушныхъ шарахъ, измѣнятся пиджаки, откроютъ, быть можетъ, шестое чувство и разовьютъ его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайнъ и счастливая. И черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ также вздыхать: «ахъ, тяжко жить!» и вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же, какъ и теперь, онъ будетъ бояться и не хотѣть смерти».

Характеризуя общее міровоззрѣніе Чехова, нельзя не остановиться и на его общественномъ міровоззрѣніи: Тема «Чеховъ какъ мыслитель» логически, какъ частность,

включаетъ въ себя и тему: «Чеховъ какъ гражданинъ»: съ этой стороны Чеховъ, поскольку онъ выразился въ своихъ произведеніяхъ, далеко еще на нашелъ себѣ согласной и общепризнанной оцѣнки. Долгое время Чехова обвиняли прямо, а можетъ быть еще и обвиняютъ, въ гражданскомъ индифферентизмѣ. Наличность послѣдняго связывается съ такимъ серьезнымъ нравственнымъ дефектомъ, что въ возможности его у столь крупнаго художника позволительно было бы усумниться уже a priori. Но и фактически это совершенно невѣрно. Чеховъ представляется намъ не только великимъ художникомъ, но и отзывчивымъ гражданиномъ, и пламеннымъ патріотомъ, и то великое и благородное сердце, которое, утомившись болѣть за нашу жизнь, навсегда остановилось въ Баденвейлерѣ, не дѣлилось на участки съ горячей и холодной кровью, но все горѣло любовью къ родной странѣ. Поэтому возводятъ кощунственную хулу на художника тѣ, которые приписываютъ ему гражданскій индиферентизмъ. Легко понять, почему сложилась эта легенда. Какъ могучій художникъ, Чеховъ сумѣлъ сохранить свою свободу отъ какой бы то ни было тенденціозности и предвзятости въ своемъ творчествѣ. Чеховъ прежде всего былъ художникъ, а не политикъ. Подчинить художественное творчество какой-либо практической цѣли, какъ бы ни была она сама по себѣ почтенна, для Чехова значило бы художественно солгать. Чеховъ, при всей щепетильности чувства художественной правды, былъ неспособенъ ко лжи, естественныя же свойства его таланта вели его непроторенными путями. Такимъ образомъ вышло, что Чеховъ не отдалъ своего таланта на службу ни одному изъ существующихъ направленій, а

самъ составилъ свое собственное направленіе согласно Пушкинскому завѣту:

Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Вездѣ тяжело одиночество, въ Россіи же, въ силу своеобразныхъ условій русской жизни, стоять внѣ направленій есть настоящій подвигъ нравственнаго мужества, и Чехову недешево онъ достался. Но не будемъ больше вспоминать объ этомъ.

Міровая скорбь, которою болѣлъ Чеховъ, ни психологически, ни логически не противорѣчитъ и не исключаетъ скорби гражданской: Байронъ былъ пламеннымъ провозвѣстникомъ свободы и самъ погибъ за политическое освобожденіе Греціи, Леопарди оплакивалъ порабощеніе Италіи. И у Чехова можно найти слѣды гражданской скорби, боли по поводу общественныхъ язвъ нашей жизни. Только не нужно требовать отъ художника того, что составляетъ задачу экономиста, политика и публициста: соціальныхъ рецептовъ и политическихъ программъ. Оставаясь вѣрнымъ своей непосредственной задачѣ, художникъ долженъ стремиться дать правдивое художественное обобщеніе, вѣрную картину жизни со всѣмъ ея нестроеніемъ. Конечно, рамки и такъ сказать, захватъ этой картины можетъ быть различенъ, въ ней могутъ отсутсвовать нѣкоторыя интересныя стороны жизни. Нельзя отрицать, что и у Чехова есть такіе пробѣлы. Но это есть дѣло художественной индивидуальности, и нѣкоторая ограниченность неизбѣжна и для самаго крупнаго дарованія.

Оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ общественныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ произведеніяхъ Чехова, какъ-то

о проституціи (*Припадокъ*), о судахъ (*Злоумышленникъ*), о ссылкѣ и уголовной репрессіи (полупублицистическая работа о Сахалинѣ), остановимся только на самомъ важномъ.

На первое мѣсто слѣдуетъ поставить заслуги Чехова какъ бытописателя крестьянскаго разоренья. Его «*Мужики*» «*Новая дача*», монологъ доктора Астрова въ «*Дядѣ Ванѣ*», наравнѣ съ страницами *Воскресенья*, гдѣ описывается пребываніе Нехлюдова въ деревнѣ, даютъ поразительную художественную картину современнаго крестьянскаго разоренія, того, что на языкѣ экономической науки называется аграрнымъ кризисамъ и оскудѣніемъ землѣдѣльческаго центра и имѣетъ въ ней вполнѣ опредѣленную статистическую характеристику, выражающуюся въ цифрахъ недоимочности, безлошадности, голодовокъ, сокращенія народнаго потребленія и т. д. и т. д.

Съ поразительной правдивостью рисуетъ Чеховъ въ *Новой дачѣ*, какъ на фонѣ этого обнищанія и отупѣнія создается средостѣніе, классовое отчужденіе между барономъ и мужикомъ, о которое разбиваются даже лучшія намѣренія «новыхъ дачниковъ», и неумѣлыя попытки ихъ сблизиться съ народомъ терпятъ полное фіаско.

Въ другихъ произведеніяхъ Чехова, главнымъ образомъ «*Въ оврагѣ*», мы имѣемъ изображеніе и другой стороны того же соціальнаго процесса, картину такъ называемаго первоначальнаго накопленія, хищнической стадіи развитія капитализма, со всѣми отвратительными ея подробностями, съ яркими симптомами разложенія стараго быта и нарожденія новыхъ общественныхъ классовъ Картина эта способна удовлетворить самаго строгаго экономиста, который пожелалъ бы провѣрить на ней теоретическую схему первоначальнаго накопленія. Съ такой же тонкостью подмѣчена Чеховымъ стихійность, противообще-

ственность и внутренняя дезорганизованность уже сложившагося капиталистическаго производства, соціально-экономической организаціи, слѣдующей за первоначальнымъ накопленіемъ и на немъ утверждающейся. Чеховъ отмѣчаетъ черты, которыя въ своей совокупности политическая экономія опредѣляетъ какъ *фетишизмъ* товарнаго производства (въ разсказѣ *Случай изъ практики*, отчасти и въ *Бабьемъ царствѣ*.

Стихійность капиталистическаго производства выражается въ томъ, что имъ создаются необходимыя принудительныя отношенія, благодаря которымъ непреднамѣренно вызывается масса ненужныхъ страданій, соціальнаго зла, и въ то же время нѣтъ виноватаго индивидуально, нѣтъ преступника, виноваты лишь преступныя соціальныя отношенія. Эта *безличность* основного соціальнаго зла въ капитализмѣ, по сравненію съ которой сравнительно второе мѣсто занимаютъ индивидуальныя ухищренія, этотъ фетишизмъ «капитализма» или «маммонизма», какъ любилъ его называть Карлейль, нѣсколькими штрихами охарактеризованъ въ *Случаѣ изъ практики*.

«Тутъ недоразумѣніе, конечно, думалъ докторъ, глядя на багровыя окна.—Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара: сотня людей надзираютъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть, живетъ въ все удовольствіе только одна Христина Дми

тріевна, пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру».

А вотъ какими чертами герой *Моей жизни* у Чехова характеризируетъ общія соціальныя условія нашего времени. «Крѣпостного права нѣтъ, зато растетъ капитализмъ. И въ самый разгаръ освободительныхъ идей, такъ же какъ во времена Батыя, большинство кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ меньшинство, оставаясь само голоднымъ, раздѣтымъ и беззащитнымъ. Такой порядокъ прекрасно уживается съ какими угодно вѣяніями и теченіями, потому что искусство порабощенія тоже культивируется постепенно. Мы уже не деремъ на конюшнѣ нашихъ лакеевъ, но мы придаемъ рабству утонченныя формы, по крайней мѣрѣ; умѣемъ находить для него оправданіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ». Въ этихъ словахъ формулирована во всю свою этическую ширь величайшая проблема нашихъ дней, поставленная намъ исторіей, имя ей— *соціальный вопросъ*. Вы видите, что Чехову вовсе не оставалось чуждымъ пониманіе этой проблемы; очевидно, что и она составляла предметъ его размышленій, результаты которыхъ проскальзываютъ то здѣсь, то тамъ.

Намъ уже приходилось по другому поводу говорить о демократизмѣ Чехова. Этимъ демократизмомъ проникнута каждая его страница, это не только сознательное убѣжденіе, но стихія, даже безсознательно проникающая его творчество. И демократическій художникъ, говорящій о соціальныхъ нуждахъ и болѣзняхъ своего времени, тѣмъ самымъ и неизбѣжно становится и обличителемъ, соціальнымъ пророкомъ своего времени, будителемъ общественной со-

вѣсти, подобно студенту Васильеву, (изъ *Припадка*), который хотѣлъ «идти на уголъ переулка и говорить каждому прохожему: «куда и зачѣмъ вы идете? Побойтесь вы Бога».

«Надо,—говорится въ *Крыжовникѣ*,—чтобы за дверью каждаго довольнаго и счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потеря, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ». Чувство соціальной отвѣтственности, обязанности передъ народомъ, соціальнаго покаянія, которымъ преисполнена, которымъ опредѣляется вся наша пореформенная литература, весь нашъ духовный обликъ, торжественнымъ гимномъ звучитъ въ пѣніи метели (въ разсказѣ *По дѣламъ службы*), соединяющемся съ образами сотскаго и безвѣстнаго самоубійцы. «Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самаго тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны какъ вы. То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежитъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни—какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ, довольныхъ людей и постоян-

но мечтать о такой жизни—это значитъ мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадой или усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять:

Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

И послѣднее слово, обращенное Чеховымъ къ русскому обществу въ послѣдней его пьесѣ и вложенное въ уста студента Трофимова, было таково:

— «Подумайте, Аня, вашъ дѣдъ, прадѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостники, владѣвшіе живыми душами, и неужели съ каждой вишни въ саду, съ каждаго листка, съ каждаго ствола не глядятъ на васъ человѣческія существа, неужели вы не слышите голосовъ... О! Это ужасно! садъ вашъ страшенъ, и когда вечеромъ или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневыя деревья видятъ во снѣ то, что было сто, двѣсти лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнія томятъ ихъ... Чтобы начать жить въ настоящемъ, надо сначала искупить наше прошлое, покончить съ нимъ, а искупить его можно только страданіемъ, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ». Да, только страданіемъ, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ!

Призывъ этотъ, вложенный Чеховымъ въ уста вѣчному студенту, проливаетъ свѣтъ на истинное отношеніе его и къ русской интеллигенціи, которой онъ такъ мало льстилъ въ своемъ художественномъ творчествѣ: Лаевскій, Іонычъ, Ивановъ бывшій революціонеръ, профессоръ (въ „Дядѣ Ванѣ“), писатель (въ „Чайкѣ“), студентъ (въ „Вишневомъ садѣ“), земскій дѣятель (въ „Трехъ сестрахъ“) и др. его типы отражаютъ его скептическое отношеніе къ *качеству* русской интеллигенціи, къ ея исторической и дѣловой

годности. Духовная независимость Чехова позволяла ему глядѣть поверхъ перегородокъ разныхъ „направленій“ и во всѣхъ нихъ прозирать одну и туже — и притомъ мало привлекательную—сущность, что̀ онъ и выражалъ—безъ лести и лукавства—въ своемъ творчествѣ. Недавно было опубликовано его письмо объ этомъ къ И. И. Орлову которое представляетъ собой цѣнный документъ нашего общественнаго самосознанія: „не гувернеръ“ (т. е. не правительство только), а вся интеллигенція виновата, вся сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки — это честный и хорошій народъ, это надежда наша, это будущее Россіи, но стоитъ только студентамъ и курсисткамъ выйти самостоятельно на дорогу, встать взрослыми, какъ и надежда наша и будущее Россіи обращается въ дымъ, и остаются на фильтрѣ одни доктора, дачевладѣльцы, несытые чиновники, ворующіе инженеры. Вспомните, что Катковъ, Побѣдоносцевъ, Вышнеградскій — это питомцы университетовъ, это наши профессора; отнюдь не бурбоны, а профессора, свѣтила... Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, лицемѣрную фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнивою, не вѣрю даже когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходятъ изъ ея же нѣдръ. Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбрасанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ интеллигенты они или мужики—въ нихъ сила, хотя ихъ и мало.

Трудно себѣ представить болѣе неблагопріятный діагнозъ духовнаго состоянія интеллигенціи, особенно если вспомнить, что онъ поставленъ былъ еще наканунѣ великаго историческаго экзамена для Россіи, въ 1899 году. Очевидно, этой оцѣнкой и опредѣлилось завѣщаніе Чехова къ русской интеллигенціи: только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ и, прежде всего, работой надъ собой, надъ

своимъ собственнымъ самовоспитаніемъ, можетъ подняться наша интеллигенція до высоты своихъ историческихъ задачъ. Но безъ новыхъ людей, безъ новой личности, не обновится, не оздоровится Россія...

М. Г.! Антонъ Павловичъ ушелъ отъ насъ въ тяжелую, чреватую грядущими событіями годину. Давно уже русское небо обложено грозовыми тучами, прорѣзаемыми молніями и оглашаемыми громомъ накопившагося электричества. Давно уже слышатся глухіе подземные удары. Восточную сторону неба охватило багровое зарево все разгорающагося пожара. По слову Гегеля, всемірная исторія есть всемірный судъ, и наступили дни суда надъ нашей родиной. Будемъ вѣрить, что эти дни историческаго покаянія приведутъ къ національному возрожденію, что мы переживаемъ болѣзнь народнаго роста, а не слабости и упадка, муки родовъ, а не предсмертныя судороги. Въ предсмертномъ бреду А. П-чу грезился японскій матросъ, поднявшій топоръ надъ вишневымъ садомъ, надъ тѣмъ садомъ, съ каждой вѣтки котораго глядятъ на насъ наши историческіе грѣхи и вѣковыя неправды, и все громче раздаются губительные удары этого топора, впиваясь въ наше тоскующее сердце. И какъ будто уже начинаетъ осуществляться предчувствіе Чехова, по обычаю вложенное имъ въ уста третьему лицу, барону Тузенбаху: «пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку». Какъ будто «мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ», еще недавно звучавшее только упрекомъ больной и встревоженной совѣсти одинокаго интеллигента, звучитъ теперь уже но иному, возвѣщая грядущую историческую силу, подъ тяжелой поступью которой

содрагается почва... Въ это полное грозныхъ знаменій время каждый долженъ возжечь свой свѣтильникъ, готовый встрѣтить жениха. Всякій день теперь принадлежитъ исторіи, и мы должны помнить о той неимовѣрной исторической отвѣтственности, которая ложится на насъ за каждый невѣрный или нерѣшительный шагъ, за каждую ошибку передъ родиной и нашимъ потомствомъ. Въ день историческаго суда срываются маски, обнажается добро и зло во всей своей противоположности, уже нельзя отговориться недоразумѣніями, и нужна только смѣлая рѣшимость да неослабная энергія въ борьбѣ за гражданственность и историческое будущее нашего народа. И уходя отъ насъ, въ качествѣ окончательнаго итога жизни Чеховъ оставилъ намъ завѣтъ художника, мыслителя и гражданина, завѣтъ, въ которомъ выразилось все существо его несгибающагося предъ неправдой и высоко парящаго надъ обыденщиной идеализма, непримиримость съ ложью и зломъ въ себѣ и вокругъ себя.

Изданія Литературнаго Кружка
имени А. П. ЧЕХОВА.

№ 1. Проф. С. Булгаковъ.
Чеховъ, какъ мыслитель. Ц. 25 к.

Готовится къ печати:

№ 2. **Ежегодникъ Литературнаго Кружка**
имени **А. П. ЧЕХОВА.**

Сборникъ статей: Л. Абрамовича, П. Д. Боборыкина, Владимира Брендеръ, Вл. Гиляровскаго, графа Ф. Г. Де-Ла-Барта, Бориса Лазаревскаго, М. А. Членова и др.

Изданы портреты А. П. ЧЕХОВА въ разные годы жизни.

Ц. 25 к.

Складъ изданія: Москва, Долгоруковская ул., д. 49, кв. 8
Телефонъ 268-44.